

Муниципальное учреждение культуры
муниципального образования «Город Архангельск»
«Централизованная библиотечная система»

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Живая книга. Главный день столетия

Сборник воспоминаний о
Великой Отечественной войне

Живая книга. Главный день столетия : сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне / Муницип. учреждение культуры муницип. образования «Город Архангельск» «Централизованная библиотечная система». – Архангельск, 2014. – 20 с.

Вступление

С каждым годом мы все дальше уходим от войны. Стираются детали, притупляется боль. И в школьной программе на изучение событий Великой Отечественной отводится уже не целая четверть, как прежде, а всего несколько часов. И люди уходят. Почти не осталось фронтовиков, прошедших пылающими дорогами войны. Уходят и те, чье детство было опалено войной. Заросли воронки и траншеи на полях сражений, понемногу затягивается забвением и память человечества. Да еще рождаются книги о сражениях Великой войны, но все больше страниц в этих новых книгах наполнено фантастическим вымыслом, постепенно превращающим в легенду реальные события, оставившее кровавый след в душе человечества. Да, каждый год мы торжественно отмечаем очередную годовщину Великой Победы, но новые, актуальные для современников заботы, уверенно заслоняют события прошлого.

Думая над замыслом этой книги, мы не могли не осознавать того, как много литературы написано о великих страданиях и великом подвиге, выпавших на долю нашего народа. Но был в череде военных дней один, наполненный таким счастьем, таким ликованием, что отблеск этого счастья и ликования осветил все последующие годы двадцатого века. Удивительно, но почти все респонденты утверждают, что день 9 мая 1945 года был теплым, ясным и солнечным и в Прибалтике, и в Майкопе, и в Архангельске и, наверное, во всей нашей стране. Главный день столетия – так мы называли наш проект и нашу книгу. Но, разговаривая с людьми, пережившими этот великий день, – 9 мая 1945 года – мы почувствовали, что нельзя до конца постичь высоту этого дня, не прочувствовав горечи потерь и тяжелого военного лихолетья. Поэтому мы не стали ограничиваться воспоминаниями о Дне Победы, а поместили в книгу рассказы о других, заполненных войною днях, о покалеченных войною судьбах людей, давно уже оставивших этот мир, об ужасах военных будней, увиденных детскими глазами. И все же был и уже навечно останется в нашей истории этот замечательный, теплый, добрый, хороший день – главный день столетия.

Ганзя Василий Тихонович, 1923 г.р.

Лётчик-истребитель Василий Тихонович Ганзя встретил Великую Отечественную войну курсантом Чугуевского авиационного училища. Воевал на Центральном, Первом и Втором Белорусских фронтах. Был участником боев на Курской дуге. Закончил войну в Белоруссии, в городе Гродно. Во время войны получил боевые награды: **медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды.**

«В процессе подготовки войск Третьего и Второго Белорусских фронтов к разгрому Восточной Пруссии, наш 383-й истребительный авиационный полк ПВО перелетел с аэродрома Белосток на полевой аэродром под городом Гродно, ближе к восточной границе Пруссии. Командование поставило перед нами задачу: «Прикрывать от авиации противника Гродно с его госпиталями и промышленностью и мост через реку Неман». Наш летный состав разместился вблизи аэродрома, в доме мельника на берегу местной речушки.

Полк приступил к выполнению боевой задачи. 24 декабря 1944 года я в паре с лейтенантом Рожненковым на самолетах Як-7Б на высоте 8000 метров сбил немецкий самолет-разведчик Ю-88.

Немцы отступали под натиском советских войск. До нас дошла информация, что наши войска уже ведут бои в Берлине. 6 мая 1945 года, в 7 часов утра в наш дом влетел парторг и закричал: «Тревога! Подъем! Победа! Немецкая армия капитулировала!» Летчики выбежали во двор с пистолетами и начали стрелять вверх с криками: «Ура! Ура! Победа! Победа!» Когда патроны кончились, все дружно прокричали: «Победа за нами!» и успокоились...

Во второй половине дня командир дивизии прислал на учебно-тренировочном истребителе баяниста из штаба, расположенного в городе Барановичи. За ужином мы получили по сто боевых граммов, и дело пошло веселее. С сожалением и болью вспоминали наших боевых друзей-товарищей, которые не дожили до этого дня, и клялись, что будем помнить их всегда.

Праздновать Победу продолжили в клубе. Пели и плясали под баян до упаду. В клубе не было руководящего состава полка, который оставался на боевом посту. 10 мая всем полком в торжественной обстановке (вместе с Ваней-баянистом) отметили День Победы».

Дьяков Юрий Константинович, 1924 г.р.

Ветеран Великой Отечественной войны, награжденный многими орденами и медалями, коренной соломбалец Юрий Константинович Дьяков, был призван в военкомат семнадцатилетним юношей. В октябре 1942 года он стал курсантом Борисовского военно-инженерного училища, которое находилось в Архангельске, в «Казарме восстания». Закончил учебу уже в Мичуринском инженерном училище в Новосибирске. После учебы попал в воздушно-десантные войска, в саперный взвод. В январе 1945 года, в составе саперного взвода, Юрий Константинович был отправлен в Венгрию, а затем и Чехословакию, где его и застало радостное известие о победе Советского Союза над фашистской Германией. Как сказал сам Юрий Константинович, войну он закончил не 9 мая, а 12 мая: «В городе Тржебонь в Чехословакии узнали мы радостное известие - Германия капитулировала. Словами не передать нашего ликования!»

О годах военного лихолетья ветеран рассказывает в своей книге «От Соломбалы до Праги». Предлагаем вашему вниманию главу из этой книги - «Вперед к Победе».

«Чтобы передать динамику боев тех дней, могу процитировать текст полученной мною благодарности. Вот он, небольшой листочек бумаги, согнутый пополам. На титуле в верхней части лозунг «Смерть немецким оккупантам!», ниже - знак гвардии, а под ним: «Участнику разгрома танковой группы немцев юго-западнее Будапешта в марте 1945 года».

Разворачиваю и читаю: «Теперь за Красной Армией остается ее последняя, заключительная миссия: завершить вместе с армией наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы. И.Сталин».

А далее уже обращение лично ко мне: «Дорогой товарищ Дьяков Юрий Константинович! Приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, Вам объявлены благодарности: за участие в разгроме танковой группы немцев юго-западнее Будапешта в составе одиннадцати танковых дивизий (приказ № 306 от 24 марта 1945 года); за овладение городом Дивечер (приказ № 311 от 26 марта 1945 года); за форсирование реки Раба и овладение городом Шарвар (приказ № 314 от 28 марта 1945 года); за овладение городом Собатель, за овладение городом Глогниц (приказ № 328 от 3 апреля 1945 года). Горячо поздравляю Вас, воин советской гвардии, с благодарностью вождя и учителя товарища Сталина, и желаю Вам добиться еще больших успехов в боях за свободу и независимость нашей Родины. Смерть фашистским захватчикам! Командир части А. Сорокин.

Следующая благодарность Верховного Главнокомандующего была объявлена мне 13 апреля в приказе за номером 334, как участнику боев на подступах к Вене и за овладение столицей Австрии. Листовки-благодарности — не просто отличие, это, прежде всего, память о событиях военного времени. Ведь многие эпизоды, описанные выше, припомнились только благодаря этим пожелтевшим от времени документам.

Наш полк продолжал успешно продвигаться, освобождая Австрию от коричневой чумы. Почти двое суток штурмовали мы опорный пункт противника Лаабен, а на третий взяли его и еще два населенных пункта - Валлерсдорф и Гласхюте. При освобождении последних, фашисты не оказывали активного сопротивления - силы их были на исходе. Но при взятии Камберга, наши войска столкнулись с сильным противодействием противника, который никак не хотел отступить, предпринимал контратаки, бросил даже против нас шестнадцать танков. Но, используя мины и связки гранат, мы отбили танковую атаку. Не смогли фашисты удержаться и на этом рубеже.

Успеху операции дивизии способствовало четкое взаимодействие входящих в нее полков: 322-го, 324-го и нашего. Запомнилась одна из последних крупных операций. Дивизии удалось перерезать железную и шоссейную дороги на участке Вайфзенбах — Кинталь — Шраменау. Для полного уничтожения немцев в этом районе нужно было еще перекрыть участок около шести километров. Но чтобы сделать это, необходимо было преодолеть горный труднопроходимый даже для десантников перевал, не говоря уже о технике и обозах. Но другого пути не было. Ведь подойти к противнику надо было незаметно, и километровая гора была единственным местом, откуда нас не ждали.

Взводная пароконная повозка, хотя и не очень груженная, почти еле ползла по отвесной горной дороге. Люди и лошади преодолевали эту высоту буквально по метру. Поминутно останавливались, подкладывали под колеса камни, чтобы не потерять пройденные метры, собирались с силами и шли дальше. И так несколько часов подряд. Мокрые от пота и дождя, мы, наконец, вышли на исходный рубеж: дорога, по которой отступали фашисты, была, как на ладони.

Наш внезапный огневой удар, почти в упор, не дал возможности противнику вырваться с заблокированной дороги. Позднее пленные немцы называли это место «долиной смерти». Действительно, вся дорога была усеяна трупами, разбитой техникой, крупными воронками.

Это был последний крупный бой для полка, в котором оставалось теперь уже мало людей. Во взводе численность бойцов тоже значительно сократилась из-за потерь: в последнем бою были ранены Алексей Булькотин и Сергей Иванов, обоих отправили в госпиталь. Вспоминаю, что накануне первых боев у Балатона мы с Сергеем долго спорили, как лучше оторвать одну щель на двоих: вдоль фронта или перпендикулярно. Пришли к дружескому решению - откопать наискосок. Как давно это было! Почти никого рядом и не осталось из тех, с кем воевали на подступах к озеру. Весь взвод теперь можно было назвать отделением, не говоря уже о «старожилах».

Но как только получили пополнение, отдыху - конец. Стали делать ночные переходы, чтобы догнать своих. Так, одной ночью прошли по Вене, из конца в конец. Красивый город, но не до достопримечательностей было.

Потом стало известно, что в срочном порядке нас перебрасывают в Чехословакию. А восьмого мая неожиданно встретил я Николая Петровича Чижова. Четыре месяца прошло с того времени, как разошлись наши военные дороги, а соскучился по старым друзьям я здорово. На войне время исчисляется не так, как в мирное время. Четыре месяца показались долгими годами. И он обрадовался мне, как родному. Помянули сухим австрийским винцом тех, кого уже никогда не будет с нами. Обменялись подарками. Он мне курительную трубку подарил.

— Пусть будет она трубкой мира, — сказал с пафосом, на который имел право.

А я ему ответил:

— Так, через сколько же времени увидимся?

Следующая наша встреча произошла уже через двадцать лет в Архангельске. Большая немецкая группировка отходила через Чехословакию, и мы должны были ее перехватить. Сказано — сделано. Перерезав дорогу, мы не выпустили немцев из своих рук.

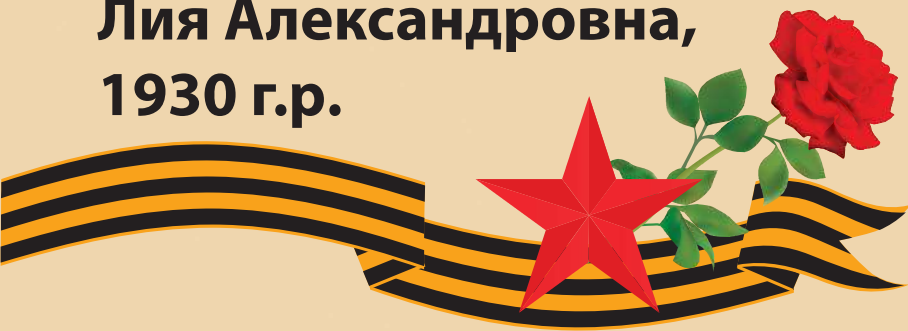
В городе Тржебонь встретили мы радостное известие: Германия капитулировала. Словами не передать нашего ликования. Вместе с нами радовались и чехословацкие друзья.

Но предстояла еще одна переброска, опять в Венгрию, где полк расположился на бывшем аэродроме в местечке Альдьё, вблизи речки Тисса. На один из последующих за Победой дней был назначен торжественный сбор полка. Он принес нам еще одну радость.

В полк прибыл командир нашего гвардейского корпуса, теперь уже Герой Советского Союза, генерал-лейтенант П.В. Миронов. Он зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении полка за успешное выполнение боевых операций на территории Венгрии и Австрии орденом Александра Невского. И когда орден был приклеен к знамени полка, по рядам, как некогда в бою, прокатилось мощное: «Ура-а-а-а!!!»

А сорок лет спустя, в День Победы в Москве, в парке имени Дзержинского встретились ветераны-десантники и парашютисты-десантники наших дней. И с гордостью смотрели ветераны на крепкие плечи нынешних гвардейцев, на их сильные руки, державшие гвардейские знамена. Не зря гибли за мирное небо наши товарищи, не зря терпели мы лишения и невзгоды - вот выросли наши сыновья и внуки, которые будут защищать Отечество, а если понадобится, то и всеобщий мир, и безопасность народов».

Епифанова Лия Александровна, 1930 г.р.

«Всю войну я была в Архангельске, помню и голод, и бомбежки.

Двадцать второго июня, где-то в полдень, выступал Молотов и объявил, что началась война, а уже двадцать третьего папа, Александр Александрович Уемленин, получил повестку в военкомат. Военкомат в то время находился в здании нынешнего Марфиного дома. А папа еще в тридцать девятом году был на фронте и вернулся с офицерским (командирским) чином. В 39-м папу привезли с фронта домой с пневмонией и без сознания. И вскоре финская война закончилась. Это было холодное зимнее время.

А в Великую Отечественную папа был радистом на госпитальном судне. Судно перевозило раненых из Мурманска в Архангельск, а обратно доставляло какие-нибудь грузы. В октябре 44-го отца перевели радистом на торпедный катер, который участвовал в освобождении Северной Норвегии. И вышло так, что этот катер затонул, и из двенадцати человек спаслось только трое: товарищи вытащили папу на берег, когда он был без сознания. Из госпиталя он пришел в марте. А мама сказала:

- Ну вот! Скоро война закончится - отец пришел с фронта опять больной.

А в мае закончилась война.

О победе нам объявили по радио девятого мая, в четыре, может быть, в пятом часу утра. Но о том, что дело идет к концу войны, мы догадывались и раньше. Не помню, какого числа, но не раньше шестого мая, был нерабочий день, а мы уже готовились к экзаменам (я тогда заканчивала седьмой класс). Мы жили на улице Попова. За нынешним Домом быта находился дом норвежского консула. Когда началась война, консул уехал, и здесь было высшее английское и американское начальство, военное. И вот иду я после консультации мимо этого дома и вижу, что окна на втором этаже распахнуты настежь, в окно выставлены флаги: наш, советский, американский и английский, а у окна два иностранных офицера шампанское пьют.

Пришла домой и спрашиваю у папы:

- Папа, я шла сейчас мимо консульства и видела, что американцы и англичане что-то празднуют. И флаги выкинуты – наши и иностранные...

А папа отвечает:

- Ну, наверное, дело идет к концу войны.

А вот девятого мая утром, часа в четыре или в пять, но еще до того, как обычно радио включалось, оно вдруг заговорило, и Левитан своим красивым голосом («Внимание! Внимание!») объявил о том, что война закончилась и подписан пакт о капитуляции.

У нас был двухэтажный, двухподъездный дом. И сразу все высыпали на улицу. Не описать радость, которая была у людей в День Победы! А на улице Логинова (Успенской) была водокачка. И вот все, в том числе и я, за водой побежали с ведрами, чай стали кипятить. Почему-то у нас дома в кране не было воды. В общем, все проснулось, все чай пьют...

А вот когда утро наступило и город весь проснулся, все улицы: и набережная, и проспект Павлина Виноградова, да и улица Ломоносова были заполнены народом. Дома никто не сидел. Все обнимались, целовались. А если встречали кого из военных (а в Архангельске было много моряков), то сразу – кверху, начинали качать. И так город «бушевал» весь день! Это было что-то невообразимое! Такое ощущение, что в домах никого не осталось!

Девятого мая в Архангельске был теплый солнечный день. И только после Дня Победы мы узнали, что Архангельск всю войну считался прифронтовым городом».

Карелин Василий Алексеевич, 1924 г.р.

Старший матрос. Пулеметчик 3-й роты 3-го батальона 12-й бригады морской пехоты Северного оборонительного района Краснознаменного Северного флота с 1942 по 1947 год.

«В сентябре 1942 года я был призван в ряды Советской Армии, в Мурманскую область. На кораблях нас доставили на полуостров Рыбачий, где я попал в 12-ю бригаду морской пехоты. В январе 1943 года наш батальон направили в боевое охранение на хребет Муста-Тунтури, где мы стояли месяц в обороне. Жили в землянке, построенной из камня, торфа. Двери завешивали плащ-палаткой. Пищу, боеприпасы доставляли ночью. Питались сухим пайком. В огневых точках дежурство несли двое бойцов от двух и более часов. Потери несли от осколков во время миномётного обстрела или во время боя, реже от снайперов.

После месяца боевого охранения батальон располагался на передовом крае обороны. Здесь было полегче. Подвергались только миномётным и артиллерийским налётам фашистов.

9 октября 1944 года мы получили приказ прорвать линию обороны немцев на Муста-Тунтури. Несмотря на сильный ветер, снегопад, через 8 часов мы подошли к подножию хребта Муста-Тунтури. Здесь мы отдыхали и ждали приказа, готовясь к бою.

Ночью началась артиллерийская подготовка к штурму. 47 тысяч снарядов и мин было выпущено по переднему краю обороны немцев. Потом мы атаковали фашистов. Начались потери в батальоне, были убитые и раненые. Немцы отступали. Утром получили приказ двигаться в сторону мыса Крестовый. Это был самый трудный переход.

После этого совершили переход на берег залива. Вечером нас посадили на катера, ночью совершили переход морем, а утром нас высадили на норвежский берег. Наш батальон расположился на берегу озера, рядом с шоссе, идущим от Петсамо в Лиинахамари. Здесь я встретил Победу.

9 мая нас построили в столовой и по радио объявили о полной капитуляции немцев. Выдали по сто граммов, и снова на службу. Очень хотелось домой. Но в 1945 году вышел указ о демобилизации.

А я попал под указ о демобилизации в 1947 году. Со мной служили: Владимир Гусев, Красильников, Алексей Щукин, Лебедев, Алексей Пожилов, Николай Коняев, Павел Шишкин, Александр Окулов, Скворцов, Ларичев, Николай Крюков. Они демобилизовались вместе со мной».

Коновалова Нэлли Ивановна, 1941 г.р.

Нэлли Ивановна Коновалова - человек известный в городе, общественный деятель. Работала заведующей отделом культуры Архгорисполкома в 1973-1978 годах, начальником отдела культуры мэрии города в 1993-1995 годах.

«Отец ушел на фронт, мама осталась с двумя детьми. Брату Алику было 2 года, а я родилась в 1941 году. Снимали комнату в частном доме на Варавино, там, где сейчас Ломоносовский ДК.

Ломоносовский район часто бомбили, там была нефтебаза. Мама заворачивала меня в одеяло, ее 12-летняя сестра брала за руку Алика, и мы прятались на болоте от обстрелов.

Отец служил в морской пехоте на Кольском полуострове, писал в письмах маме, чтобы она уезжала к его родителям в Н.Тойму. В 1942 году мама переехала с нами в Нижнюю Тойму, но так как там уже было много родственников, она переехала в Котлас к родной сестре. Случилось несчастье с мамой: ее забрали на 3 месяца в тюрьму, потому что она уехала из Архангельска без бумаги о том, что рассчиталась на нефтебазе. Директор обещал выслать документы, ждать было некогда, уходил последний пароход. После выхода статьи И.В. Сталина, всех, кто не имел документов об увольнении, судили и отправляли в тюрьму. Три месяца мама мыла полы в тюрьме, а за детьми присматривали ее сестры 12-ти и 14-ти лет. Мы ходили в детский сад, брат Алик отравился и умер, я болела.

Весной 1945-го уже все чувствовали, что скоро конец войне. Бегали встречать пароходы, вагоны на железной дороге. В Котласе в наших деревянных домах жили в основном портовики, в майские дни 1945-го из всех окон доносилась музыка. И я пела вместе со всеми. Встречали фронтовиков, возвращающихся домой. На вокзале было что-то невиданное. Запомнилось много людей: кто-то рыдал, кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то играл на губной гармошке. Обнимались, целовались, ругались.

Помню протянутые руки из-за решеток вагонов с пленными немцами, венграми. Через Котлас шли составы на Воркуту, дальше на Север. Мне запомнились бледные лица, болезненные глаза и то, что наши женщины совали им куски хлеба.

Время возвращения фронтовиков много радости принесло, но много и бед. Воины возвращались с фронта, встречались с изменами, исчезновениями. Были трагедии, смерти, пьянство.

Настоящий День Победы для нас наступил в сентябре, когда вернулся отец. Встречали его три дня, после обеда на третий день меня увели домой, оставили с четырнадцатилетней тетей Лидой. А мама и ее старшая сестра ушли на вокзал. И вдруг приходит папа, один. Открывается дверь, входит высокий мужчина, весь в черном, в бескозырке, и бросается ко мне. А я не подпускаю: «Уходи, дядька». Потом папа меня баловал - и на руках все время носил, и шоколадом баловал, конфетами.

В январе 1946 года семья переехала в Архангельск, в Соломбалу. Запомнилось, как жили в доме Седова на набережной в Соломбале. Внизу была лоцманская служба, а сверху жили семьи лоцманов. Многого не хватало в быту. Не было жилья, все восстанавливали сами. Заслуга поколения, которое возвратилось с войны, в том, что эти люди не опустили руки, думали о счастье своих детей, о том, чтобы над их головой было мирное небо.

В начальной школе я училась у народной учительницы Натальи Николаевны, она нас научила работать на уроках. Потом училась в 3-4 классе у праправнучки А.С. Пушкина – Ольги Евгеньевны Клименко. Затем была учеба в школе №39, музыкальной школе. Любила фантазировать, ставить спектакли во дворе, разыгрывали сказки «Морозко», «Снежная королева». Про училище театральное в городе я не слышала. Решила поступить в пединститут на факультет иностранных языков, но был конкурс - 14 человек на место, а у меня в аттестате по английскому «4». В фойе института мы с подружкой узнали о приеме в культурно-просветительное училище, там было театральное отделение. Потом состоялась встреча с Ю.И. Угаровым, была учеба, работа по распределению в области».

Кутилина

Зинаида Дмитриевна,

1926 г.р.

«В конце войны я жила в Краснодарском крае, в городе Майкопе, училась на третьем курсе историко-филологического факультета пединститута. О том, что война идет к концу, конечно, я знала, потому что работала пропагандистом на мебельной фабрике. Два раза в месяц проводила занятия и знала о том, что идет штурм Рейхстага.

Восьмого мая, часов в десять вечера, когда после прогулки мы с молодым человеком возвращались домой, вдруг из домов стали выскакивать люди. Мы спрашиваем: «Что случилось?» Все кричат, кто плачет, кто смеется. Люди заполнили улицы – война закончилась, подписан пакт о капитуляции, Германия сдалась. Так объявили по радио. Конечно, домой никто не ушел. Радость, горе – все слилось воедино. Мы встретились с моими однокурсниками и не расставались до двух часов ночи.

А на следующий день мы, студенты, ученики, рабочие, собрались на центральной площади города Майкопа. Мы зашли в институт, собрались и строем пришли на площадь, где состоялся митинг. На митинге вновь сказали о капитуляции Германии. Это была такая радость! Многие не знали друг друга, но радость была одна на всех. После митинга каждый человек мог пойти в любой кинотеатр, в драмтеатр, на гуляние, и все это было бесплатно. Вечером опять же были гуляния, встречи и так далее. Но, несмотря на то, что было очень много радости, слез было еще больше, потому что много наших знакомых погибло за годы войны.

Нам сказали, что десятого мая будет выходной день. Но во время митинга я встретила своего одноклассника, который уходил на фронт вместе с нашими мальчишками. В сорок пятом году он стал директором нашей школы. На фронте он потерял правую руку, а когда вернулся, то стал учиться заочно в педагогическом институте. Он сказал мне: «Завтра, в десять часов приходи, пожалуйста, в школу. Вспомним наших ребят. Придут родители, ученики».

А вечером было гуляние в парке, на берегу реки Белой. Мы, как самый большой праздник, встретили этот день, танцевали, пели.

Утром следующего дня, в десять часов я подходила к своей школе. Собрались родители ребят, которые были на фронте. По окончании школы в классе было двенадцать парней. Все они ушли на фронт. Из двенадцати человек вернулись с фронта только трое. Директор школы, мой одноклассник, пригласил родителей погибших ребят. Я уже говорила, что у него не было правой руки. Но он был художником. И он написал портреты наших погибших ребят левой рукой. Исключительно хорошо! Родители наших погибших ребят (а это - кубанские казаки) рассказали о своих детях, подошли к каждому портрету, поклонились, помолились, так как многие из них были набожными людьми. Это незабываемо!

Мы решили написать летопись о каждом из погибших. И сделали это.

А в 1973 году в Архангельске я встретила бравого майора. И что-то меня к нему толкнуло: «Товарищ майор! Разрешите обратиться!» Он меня, наверное, по голосу узнал: «Зина! Как ты здесь оказалась?» Это был один из моих одноклассников, оставшихся в живых. Он служил на Новой земле, и его отправили в Архангельск в командировку. Вот такая неожиданная встреча!»

Митина Альберта Александровна, 1940 г.р.

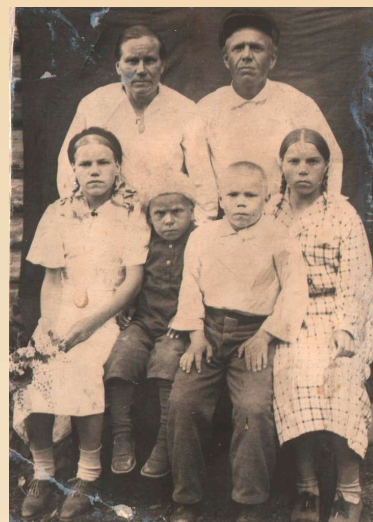

«Я почти ничего не помню о том дне, ведь я была совсем маленькая – мне исполнилось пять лет. В начале войны мы жили в Архангельске, но во время бомбежки папу контузило, и его комиссовали. Его назначили начальником снабжения в лагере для заключенных, и мы переехали в село Иосер Коми АССР. Здесь мы и встретили День Победы.

Это был теплый, солнечный день. Я очень хорошо помню радиоприемник того времени. Это была такая большая, черная, круглая тарелка. Кажется, она была сделана из плотной бумаги или из картона. И вот однажды утром эта тарелка «заговорила», и голос Левитана объявил, что война закончилась. Я хорошо помню его слова: «Внимание! Внимание!» После сообщения Левитана вокруг меня поднялась суматоха. Все забегали, засуетились...

Сам день - девятое мая 1945 года - не сохранился в моей памяти, а вот голос Юрия Левитана и его сообщение запомнились навсегда».

Неверова Лидия Александровна (Шестакова), 1928 г.р.

«1 сентября 1941 года отца проводили на фронт, он воевал на Сталинградском направлении. Дома остались бабушка, мама, старшая сестра, я и два младших брата. Мы жили в деревне Синцовская Ровдинского района Архангельской области. Мама всю жизнь работала в колхозе, дети с первого дня войны трудились на колхозных полях, а когда стали постарше - на лесосплаве.

В 1945 году я училась в 10 классе в селе Ровдино (в 7 километрах от нашей деревни). Вечером, 8 мая 1945 года я после школы осталась ночевать у учительницы Марии Арсеньевны. Всю ночь не спали, не раздевались, ходили из угла в угол, разговаривали, ждали вестей по радио об окончании войны. В 6 утра 9 мая по радио сообщили: «Победа!» Мария Арсеньевна отправила меня в деревню с долгожданной вестью: «Беги быстрее, сообщи о Победе!»

Первый, кто встретился, был Илья Александрович Княжев, фронтовик. Шел утром на работу. Я ему кричу: «Сегодня закончилась война!» От радости он схватил меня за руки и стал кружить. «Что случилось?» - выскочила соседка. «Война закончилась!» Многие рыдали, кричали, радовались. Я думала, что все будут рады. В домах, где были погибшие, рыдали. У Ельцовых погиб кормилец, у Брагиных в первые дни сын погиб, Анна Кирилловна Колыбина ослепла от слез, получила похоронки на трех сыновей, у нас 27-семилетний дядя погиб на Карельском фронте. Отец наш пришел с войны в апреле с больным желудком, в это время лежал в больнице.

Уполномоченный из района с радостной вестью прискакал на коне только к обеду. А мы уже знали!

Сегодня на центральной усадьбе в селе Никольское стоит обелиск, где перечислены имена всех односельчан, погибших в годы Великой Отечественной».

Петрова Валентина Николаевна, 1935 г.р.

«Мама умерла в 1937 году, я жила с бабушкой и папой. Папа ушел на войну, погиб под Ленинградом. Помню первые бомбежки. Мы прятались в бомбоубежище (оно было во дворе нашего дома). На фото – бабушка Александра Андреевна, я (с куклой), старшая двоюродная сестра Лина (учитель), младшая двоюродная сестра Вера (работала на кафедре биологии медицинского института). Это фото сделано перед самой войной.

А вот стихотворение о моей любимой кукле, которое написал поэт Дмитрий Кедрин:

Ни слова сквозь грохот не слышно!..
Из дома, где мирно спала,
В убежище девочка вышла
И куклу с собой принесла.

Летят смертоносные птицы,
Ослепшие в прожекторах!
У женщин бескровные лица,
В глазах у них горе и страх.

И в этой семье сиротливой,
Что в щели отбоя ждала,
По совести, самой счастливой
Тряпичная кукла была!

О чем горевать этой кукле?
Ей тут безопаснее всех:
Торчат ее рыжие букли,
На толстых губах ее смех...

«Ты в силах, – спросил я, – смеяться?»
И мнится, услышал слова:
«Я кукла. Чего мне бояться?
Меня не убьют. Я мертва».

Было страшно во время бомбежек. Видела, как бомба «разорвала» соседний дом. Помню проводы мужчин-соседей на фронт. Плач, крики. Запомнила, что мужчины были одеты в фуфайки, сапоги (а было жарко!). Папа прощался с нами и сказал бабушке: «Мама, сбереги, пожалуйста, Валюшку!» Помню голод, мясо тюленя. Я ходила в детский сад, который находился на пересечении Поморской и Новгородского. Маленькое одноэтажное здание. Директор, Зинаида Семеновна, и ее сестра, Эмма Семеновна, хотели меня удочерить, жалели, но бабушка не отдала. Воспитатель Тамара Викторовна, наш повар тетя Таня и все остальные о нас заботились и очень любили!

Ездили в лагерь (в Лявлю), ночью в окно видели, как горел Архангельск. Плакали. Часто вижу это во сне: рожь, васильки. Очень жарко, стрекозы. Мы идем по дороге, там большие жуки. Я в летнем платьице и коричневых сандаликах (без носочков).

24 августа 1942 года снова начались бомбежки. Были разрушены строения на углу Чумбарова-Лучинского и Володарского. Звучали страшные слова: «Граждане, воздушная тревога!» Мы бежали в бомбоубежище. Через год на этом месте заложили сквер Победы. И каждый год, 24 августа мы проводим митинг у скорбного камня.

В мае 42-го мы с детьми детского сада №26 подготовили концерт. Нас пригласили выступить в госпитале № 2533, который располагался в школе № 22 (Костромская, 49). Я танцевала: исполняла роль Весны. Помню песню, костюм. Помню, как сидела на коленях у раненого, а он – плакал.

В госпиталях для раненых бойцов
«Катюшу» пели и стихи читали,
Девчушки для воюющих бойцов
Носки и варежки старательно вязали.

В лагерях собирали пижму, из которой делали лекарство. Мы очень старались!

В 1944 году я пошла в первый «В» класс школы №17 (на пр. Новгородский). Директором была Желвакова Зинаида Васильевна (позже она вела у меня уроки истории). Ее дочка потом училась в нашей школе. Первая моя учительница – Качкова Александра Савельевна – очень нас любила, хорошо учила и берегла. Школа тогда была женской.

Наш дом сгорел, и мы с бабушкой жили в большой конюшне во дворе 22-й школы. Там жило много семей. Бабушка работала надомницей, шила плащ-накидки, белье, рукавицы для лыжников Заполярья, а я пришивала тесемочки, пуговицы, сшивала попарно рукавички.

9 мая 1945 – День Победы. Салют!!! Мы на площади Профсоюзов: крики, песни, объятия и слезы... 18 мая я получила свои первые школьные документы – табель и похвальную грамоту. Александра Савельевна, вручая их мне, сказала, обращаясь к классу: «Милые мои девочки, помните, каждая ваша пятерка – это маленькая звездочка в салюте Великой Победы! Помните это!» И я всю жизнь это помню. Я сохранила табель, мою тетрадку по русскому языку, альбом для рисования, стихи. Всё использую во время выступлений в школах.

В 1959 году, после окончания педагогического института, я пришла работать в школу №22. Работала учителем, заместителем директора по воспитательной работе, заместителем директора по учебной работе, директором. Мой педагогический стаж работы в этой школе – 38 лет. Тут мои любимые учителя и учащиеся. До сих пор поддерживаю связь.

В день встречи с династиями медицинских работников (наш совет ветеранов проводил этот вечер в большом зале АГКЦ), я восстановила танец «Весна», который исполняла в госпитале, и подарила его всем медицинским работникам. Потом танец был показан на юбилее родной школы. Недавно я проводила урок мужества в школе «Ксения», ребята подарили мне видеофильм о моем выступлении».

№ п/п	Предметы	1-й семестр	2-й семестр	3-й семестр	4-й семестр	5-й семестр	6-й семестр	Средний балл
1.	Русский язык устно.....	5	5	4	5	5		
2.	Русский язык письменно.....	3	3	5	5	5		
3.	Изложение.....		4	5	5	5		
4.	Сочинения.....	4	5	5	5	5		
5.	Русоведение.....	5	5	5	5	5		
6.	Труд.....	5	5	—	—	—		
7.	Физическое воспитание.....		5	—	—	—		
8.	Поведение.....	5	5	4	5	5		
9.	История.....							
10.	Прогулки и досуг.....							

Подпись учителя: Качкова
Подпись родителей: Мамонтова / Мамонтова
Исходный руководитель: Качкова
18 мая 1945 г.

Березовский район

Пуляева Зинаида Александровна, 1933 г.р.

«Утром девятого мая мы, как обычно, пришли в школу (мы еще даже не знали ничего), и вдруг нам объявляют, что сегодня занятий не будет. Победа! Мы все из школы ушли, конечно. Но, почему-то, людей в этот день не было в поселке. Может быть, все были в городе. Мы ведь на Краснофлотском жили. И школа наша там же была, двадцать девятая. Мы целый день так на улице и пробегали. День солнечный был, теплый. Наверное, первый такой день. Просто удивительно. Мы бегали по улице раздетые: без пальто, без курток. Конечно, все кричали, радовались. Мне тогда было двенадцать лет.

В нашей семье несколько фронтовиков было. Два дяди у меня погибли. Отец тоже воевал. Был ранен в первый же год войны. А на лечении он находился в госпитале в АЛТИ, его почему-то сюда привезли. Мама ходила, навещала его. Только нас с сестрой почему-то не брала. Так я его в госпитале и не видела. А потом он опять ушел на фронт. И до сорок пятого года не был дома. Закончил войну уже в Кенигсберге. Вернулся живой, но все равно вскоре скончался. Очень болел.

А я всю войну прожила в Архангельске. Мама работала в «пожарке». Мужчин всех забрали, поэтому там трудились одни женщины. Нам комнатенку тут же дали. Здесь мы и жили. Мама на реке наловит бревен, а мы с сестрой пилили. Меня из-за пилы не видно было. А колола мама.

В сорок втором году нас, детей, увезли на пароходе в область, в какую-то деревню. Здесь мы в лагере были почти все лето. Нас специально увезли из Архангельска от бомбежек. Тогда детей берегли. Особенно в войну берегли. Нас там и кормили, и заботились о нас. И белье было, и одежда. Нам предлагали и на зиму остаться, но мама побоялась, вдруг она зиму не переживет. Кто-то из знакомых поехал в этот лагерь забирать сына, и мама попросила, чтобы он и нас с сестрой забрал. Мы когда на пароходе по реке ехали, все спокойно было. Только пристал пароход – бомбежка! Здесь, у речного вокзала (речной вокзал тогда был на Поморской), нас и бомбили в первый раз. Потом только до Урицкого доехали – опять бомбежка. Налет мы переждали на остановке под навесом, чтобы нас не было видно сверху. Когда приехали на остров, снова бомбежка началась. Вот так нас за день три раза бомбили. На Краснофлотском тогда продуктовые склады разбомбили. Это было в конце августа сорок второго. В другие годы Архангельск уже не бомбили. Может, и хотели, да только наши их в город уже не пускали.

Очень голодно в Архангельске было. Мы в «пожарке» жили, а там спуск такой был, чтобы машины могли из «пожарки» выезжать. И идет мужчина мимо этого спуска, высокий, худющий. И вдруг он упал. Женщины выскочили, его затащили в «пожарку». Он еще толком не пришел в себя, а они ему подают картошину. Я до сих пор помню, как он увидел эту картошину и рот уже открыл, а донести ее до рта не может, не хватает сил. А больше я не видела, чтобы кто-то падал. Мы все больше картошку ели – у нас свой огородик был. А очистки не выбрасывали – сушили. А потом, когда совсем голодно становилось, мы эти шкурки потолчем и котлетки сделаем. Мама с Фактории тюленину привозила. Вот на этой тюленине и жарили эти котлетки. Запах был очень сильным, но есть захочешь (что будешь делать?) будешь есть. Золовка моя как-то сказала, что таким жиром только сапоги мазать. Я ей: «Кто-то сапоги мажет, а мы ели!» А когда мы с сестрой в лагере были, мама рассказывала, что они все больше травой питались. Картошка уже закончилась, а на карточки мало что можно было получить. Вот мы и ели траву, которая росла в огороде.

Что говорить, многое на нашу долю выпало, но что мы могли сделать? Так и жили».

Поташев Альберт Иванович, 1931 г.р.

«Во время войны я находился в поселке Каменке Мезенского района, на своей родине. Мне было одиннадцать, когда началась война. Вскоре пришлось уйти из школы, потому что надо было работать. Я начал работать в четырнадцать лет. Наша бригада по ледяному желобу переталкивала бревна к пилораме. Работа была очень тяжелая. Работали по четырнадцать часов и без выходных. И так всю войну.

Девятого мая 1945 года я, как обычно, рано утром отправился на работу. У соседнего дома увидел своего приятеля. Он меня окликнул и спросил:

- Ты куда направляешься?

- На работу! Куда же еще?

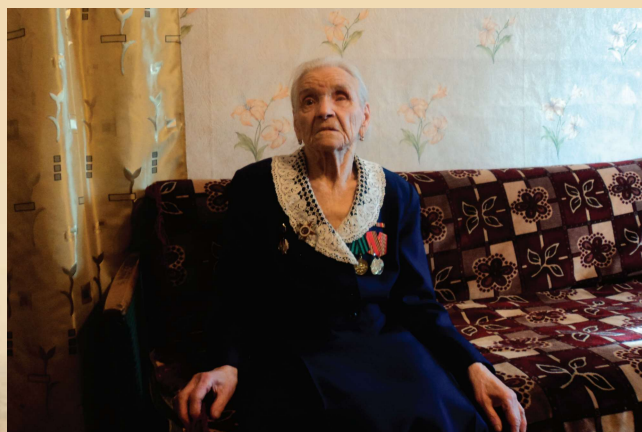
А он мне:

- Не надо сегодня на работу! Сегодня – выходной! Победа!

Но я все равно пошел на работу. А там уже все собрались. Все ликовали, радовались. Организовали митинг. А после этого разошлись по домам – праздновать. И каждому выдали по литру спирта.

А уже с десятого мая был объявлен восьмичасовой рабочий день».

Ухова Биби-Сара Николаевна (Низамутдинова), 1921 г.р. Рядовая

«В 1941 году в Архангельске формировался санитарный поезд 1169, на котором я была санитаркой с октября. Возили раненых по направлению Вологда-Мурманск. А потом очень сильно заболела младшая сестра (а мама у нас умерла ещё в 1935 году), и я отпросилась домой, чтобы ухаживать за сестрой. Устроилась на работу, вскоре меня направили учиться на связиста. После учебы отправили в Москву, где в 1942 году сформировали нашу часть – отдельный батальон связи 64-го стрелкового корпуса.

В батальоне было 4 девчонки. Я служила рядовой в 1 роте, в 1 взводе первого отделения. Трудно приходилось девчонкам. Бывало, бежишь и в дождь и в снег, сзади на спине катушка. Бежишь и мотаешь. А зимой идешь, идешь, и объявляют привал. Под себя подоткнёшь шинель и сидишь на снегу. Всяко приходилось. Я и теперь выскочу на улицу раздетая, мне кричат: «Оденься, а то простынешь», а я в ответ: «Я войной закалённая».

Прошла всю Белоруссию, Польшу. 9 мая встретила в Германии. В этот день дежурила на связи. Поздно ночью объявили, что Германия капитулировала, и заключили мир. Я кричу: «Ребята, война закончилась». Ребята принесли бутылку, выпили за Победу. Все кричали: «Ура! Ура! Победа!»

Особенно «старики» радовались, домой очень хотелось. И в первую очередь их демобилизовали, потом девушек. Домой ехали в теплушках. Там я познакомилась с двумя девушками: одна была из Холмогор, другая - с Хабарки. Раньше встречались, интересовались жизнью, здоровьем друг друга. Теперь не знаю, живы ли они».

Чеснокова Идея Александровна, 1930 г.р.

«Я потеряла своего отца, Александра Филипповича Черепкова, когда мне исполнилось всего три года, а в 1938 году мама, Наталья Павловна, вышла замуж за Дмитрия Васильевича Медведева, лейтенанта Красной армии, артиллериста. Так началось наше долгое путешествие из гарнизона в гарнизон. Мы жили в Сибири, в Перми, в Карелии...

В 1939-40 годах Дмитрий Васильевич воевал на финской войне.

В 1940 году к СССР были присоединены республики Прибалтики, и воинскую часть моего отчима перевели в Латвию, в небольшой городок под Ригой, а весной 1941 года - в местечко Симнас Алитусского района Литовской ССР, в двадцати километрах от польско-литовской границы.

В апреле 1941 года, получив разрешение вышестоящих органов, мама вместе со мной приехала в Симнас к мужу. Здесь, в мае 1941 года я окончила второй класс. А в июне, за две недели до начала войны, к папе-отчиму, который был командиром части, по учебной тревоге прибыл боец с приказом срочно вернуться в свою часть. Они ушли, и больше мы Дмитрия Медведева никогда не видели.

В субботу, двадцать первого июня жен комсостава собрали в штабе и строго предупредили, что они не должны вести разговоры о начале войны, не должны сеять панику, хотя все уже понимали, что война неизбежна. Женщин предупредили, что если начнется война, всех эвакуируют. Мы тогда были уверены, что Дмитрий Васильевич находится на учениях.

22 июня 1941 года, в четыре часа утра нас разбудил грохот взрывов. Это был налет немецкой авиации. Разбомбили штаб, почту, железнодорожный вокзал, казарму, где погибли почти все бойцы. Нам кричали: «Уходите за город». Мама успела схватить только документы, и мы, как были, в легких платьях и обуви, вместе с другими людьми побежали. Гремела канонада. Кое-кто из военных отстреливался.

А потом пошли танки. Мы прятались в поле, во ржи. Здесь были все: литовцы, евреи, поляки, русские - старые и молодые. Дети плакали. Было теплое, солнечное утро. Мы решили, что это наши танки, и бросились навстречу, но кто-то из немногих оставшихся в живых бойцов, прятавшихся вместе с нами в поле, крикнул: «Не ходите туда – там немцы!» По всем дорогам шли немецкие танки и мотоциклы. Их было очень много! Тучи! И самолеты. Сначала пролетели один или два разведчика, а потом пошла лавина черных самолетов. В восемь утра наш город был уже занят. Так для меня началась война.

Тогда мы бродили целый день, не зная местности. Карты у нас не было, а литовского языка мы не знали. Вокруг все горело. В занятый немцами город мы вернуться не могли. Уже вечером мы зашли на какой-то хутор, попросили воды. Литовская женщина – хуторянка – пожалела нас, жестами отправила нас в сарай, где пряталось еще несколько русских семей – женщин с детьми. Хозяйка подоила корову и дала черного хлеба и молока детям. А через некоторое время приехали двое немцев на мотоцикле, требовали от хозяйки: «Матка, млеко, матка, яйки!» Открыли ворота в сарае, спросили у нее: «Русиш?» Но стрелять не стали и уехали. Мы заночевали в сарае. А утром хозяйка сказала, чтобы мы уходили. Все разбрелось, кто куда.

Мы бродили несколько дней. От литовцев узнали, что можно вернуться в город. Пришли в свою квартиру, а там уже жили другие люди, пользовались нашими вещами. Запомнился красный патефон и советские песни. В городе немцы, а из окошка звучит бодрая пионерская песенка «По улице шагает веселое звено». Кто-то пустил нас пожить, но уже совсем в другом месте.

В июле немецкие власти издали приказ: всем русским явиться в назначенное время в назначенное место. Собрались все бывшие жительницы советского военного городка: женщины с детьми, беременные, мамы с грудничками. Всех жен красных командиров определили жить в лагере, в уцелевших солдатских бараках, которые были окружены колючей проволокой, а вокруг – охрана с собаками.

Евреи в первый месяц войны жили, как и раньше, в своих домах. Через месяц их заставили носить на одежде желтые шестиконечные звезды – мишени для стрельбы. К русским относились более лояльно, а вот евреев – и мужчин, и женщин – гнали на работу, заставляли расчищать завалы после бомбежек. Каждое утро я видела, как их плетью выгоняли на работу. Позднее, когда мы с мамой уже жили на хуторе, мы узнали, что как-то всех евреев согнали в одно место и вывели за город. Очевидцы, русские и литовцы, рассказывали, что их почему-то заставляли петь «Катюшу», вероятно, для того, чтобы не слышать рыданий, стонов и криков. Потом им приказали раздеться. Вырывали золотые серьги из ушей. Потом расстреляли... Закопали. Одному мужчине удалось выбраться из могилы. Рискую жизнью, своей и близких, его прятали литовцы. Он все сидел на скамейке, не двигаясь, глядя в одну точку. Я часто крутилась возле него, пытаясь обратить на себя его внимание. Но он не реагировал и все смотрел перед собой.

В августе 1941 года литовцам – хозяевам хуторов – было разрешено брать на работу русских батраков. Наш хозяин по фамилии Гродецкис взял нас с мамой на сельхозработы. Меня определили пасти коров и лошадей, а мама работала в поле: пропалывала, косила и сгребала сено, доила коров. Труд был непосильным. Мы все ждали, что вернутся наши войска и нас освободят.

Как-то нас с мамой отправили на работу в Симнас. Около синагоги стояла немецкая кухня. Мы и другие женщины должны были чистить картошку. Если кто-то чистил не очень аккуратно или пропускал глазки, то их били плетками или палками охранники – немцы или литовские полиция.

На хуторе мы с мамой прожили зиму, а весной сбежали от Гродецкиса из-за непосильного труда в Симнас к другому хозяину – поляку по фамилии Добулевич. Он взял нас на сельхозработы. Меня же определили няней к дочери хозяина Янке. Однажды мама рассказала, что тайно ходила слушать московское радио. Тогда передавали «Пионерскую зорьку».

В 1943 году немцы решили жен красных командиров и их детей отправить в Германию. Обычно семьи забирали ночью. Кто-то из литовцев предупредил нашего хозяина, что должны прийти за нами. Хозяин дал нам резиновую обувь (галоши), чтобы собаки не взяли наш след. Мы ушли на конюшню, по лестнице забрались на сеновал, спрятались в самом углу в сене. Когда пришли немцы, они проверили весь двор, зашли в конюшню. Штыками протыкали сено, но мы спрятались далеко – нас не достали.

У Добулевичей нам оставаться было опасно, поэтому хозяйка предложила уйти в местечко Кросно, где жила ее сестра. Добирались по обочинам дорог, по канавам, по ржи, иногда ползком. Добрались. Там мы жили и работали. Нас брали с удовольствием, так как мама очень хорошо работала. Но и здесь было опасно задерживаться надолго, потому что постоянно приезжали немцы на мотоциклах. Снова перебрались к другому хозяину – нас временно взяли на уборку урожая в 1943 году.

В это время от голода и неустроенного быта я тяжело заболела дизентерией. Лекарств не было. Литовская женщина-хуторянка положила меня в сени. Она поила меня горьким отваром полыни и других трав, давала по два-три сухарика в день. Я проболела целый месяц. Наконец, болезнь отступила. После этого еще бежали от хозяина к хозяину и в 1944 году вновь вернулись к Добулевичам.

Точных сведений о том, что происходило на фронтах, мы не имели. Но по слухам знали о многом. Слышали и про Сталинград, и про блокаду Ленинграда. После разгрома под Сталинградом немцы очень изменились. Если в начале войны они выглядели очень уверенными – аккуратные, подтянутые, форма с иголочки, то в сорок четвертом году уже чувствовался разброд и в войсках, и в умах.

Немцы отступали на всех фронтах. Это чувствовалось в Симнасе. Немцы еще были в городе, и по ним била советская артиллерия. Оставаться в городе было опасно, поэтому мы опять бежали на какой-то хутор.

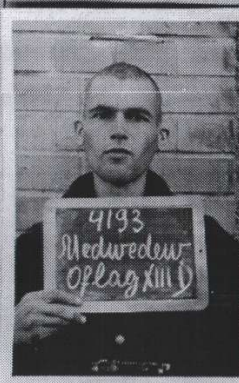
В один из вечеров советские войска прорвали линию фронта и, обойдя Симнас, двинулись вперед. Немцы укрепились в городе. Наши били по ним с тыла. В город советские войска вошли почти без боя. В это же время случился немецкий авианалет на город. Мама тогда работала в поле, а я и хозяева с детьми были дома. Услышав гул самолетов и взрывы, мы бросились из дома, чтобы спрятаться во ржи. Я бежала вместе со всеми, и вдруг - взрыв. Меня отбросило к стене дома. Вижу, как рядом убили одного, второго... Меня только контузило – потеряла слух на сутки. После налета брела, не зная, куда, потерялась. Какие-то парни-литовцы обнаружили меня на старом еврейском кладбище. Привели домой.

Почти четыре долгих года мы были в оккупации. Трудно в немногих строчках описать все испытания, которые выпали на нашу долю. За время наших скитаний нам помогали люди разных национальностей: литовцы, поляки, евреи, наверное, поэтому и говорила я тогда на странном языке, словно собранном из четырех языков.

Советская армия шла на запад в сторону Кенигсберга, а мы с мамой вернулись в Симнас. В сентябре 1945 года я снова пошла в школу – в третий класс. Мне было пятнадцать с половиной лет.

Я хорошо помню День Победы – 9 мая 1945 года. Мы проснулись очень рано от автоматной стрельбы. Мы очень испугались, потому что решили, что снова вернулись немцы. Оказалось, девушки-радистки первыми получили сведения из Германии о том, что закончилась война, и начали стрелять в воздух. Мы выскочили из домов и увидели, что советские солдаты и офицеры стреляют. Стреляли даже из пушек. И все они кричали: «Победа!!!» И мы все тоже кричали: «Победа! Победа!» Все обнимались. Вокруг нас царили улыбки, радость, смех... Радовались русские. И литовцы радовались, что наконец-то закончилась война. Не передать то ликование, которое царило вокруг.

Но запомнилось и другое. Во время всеобщего ликования мы видели, как готовятся машины и вооруженные бойцы уходят на задание, потому что еще много «лесных братьев» пряталось в лесах. В этот счастливый для нас день они особенно свирепствовали. И шли в бой наши солдаты - совсем молодые ребята, многие из которых и сами были немного старше меня. А вечером мы увидели гробы, много гробов, а в них - мальчиков, погибших в этот замечательный, сладкий, добрый, хороший день. Один из этих мальчиков прежде заходил к нам, к русским, потому что он совсем не говорил по-литовски. Кажется, его звали Леней. А потом я его увидела среди погибших. Я и сейчас вспоминаю его, когда речь заходит об этом дне. Мы потом столько венков сделали – нам привозили хвою; мы хотели хотя бы так отдать дань памяти этим ребятам, погибшим в День Победы.

Kriegsgefangenen-Stammlager: <i>Stalag XIII D</i>		Lager: <i>Stalag XIII D</i>	
Name: <i>Medwedew (Megbegeb)</i>		Staatsangehörigkeit: <i>Russe</i>	
Vorname: <i>Dimitrij</i>		Dienstgrad: <i>Unterleutnant</i>	
Geburtsort: <i>14.6.1913 Gau Sverdlow</i>		Truppenteil: <i>292 Art. Reg.</i>	
Religion: <i>Свердловск</i>		Zivilberuf: <i>Buchhalter</i>	
Vorname des Vaters: <i>Wasilij</i>		Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates): <i>292 art. reg.</i>	
Familienname der Mutter: <i>Mizorija</i>		Gefangennahme (Ort und Datum): <i>st. Seizijaj 23.6.41</i>	
Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:			
Nähere Personalbeschreibung			
Größe: <i>1,74</i>	Haarfarbe: <i>blond</i>	Besondere Kennzeichen: <i>Augen grau</i>	
Fingerabdruck des rechten Zeigefingers		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat	
		<i>Медведевой Мирони Петровны</i> <i>д. Мыгине, Сухолонского района</i> <i>Свердловской области</i>	
		Belehrung über das Verbot betr. Verkehr mit deutschen Frauen	

После войны мама пыталась разыскать своего мужа, но получала всегда только один ответ – пропал без вести. Ей удалось встретиться с одним из военных, который вместе с Дмитрием Васильевичем и его бойцами сражался на границе двадцать второго июня. Они дрались до последнего солдата, до последнего патрона. Больше она ничего не могла узнать. Она так и не узнала, что Дмитрий Медведев был ранен двадцать второго июня, а двадцать третьего – взят в плен и этапирован в Германию, находился в концлагере для военнопленных в немецком городе Хаммельбург. В ноябре 1942 года он скончался в госпитале в лагере. Ему было тридцать лет.

Четыре года назад, рассматривая карточку, мы обратили внимание на печать, на которой указана воинская часть, в которой служил Дмитрий Васильевич, – 292-й легкий артиллерийский полк. Попробовали узнать что-нибудь об этой части в Интернете и обнаружили там много информации. Так мы его нашли.

В начале двадцать первого века главы государств Германии и России договорились разыскивать пленных, погибших на территории наших стран. Иными словами, мы предоставили информацию о пленных немцах, погибших на территории нашей страны, а немцы, в свою очередь, предоставили информацию о наших пленных. Президенту России была вручена Книга памяти, в которой были перечислены имена офицеров, находившихся в плену в Германии. В этом списке мы нашли и имя Дмитрия Васильевича. Так мы узнали о его судьбе.

Несколько лет назад я решилась рассказать о наших мытарствах в оккупации и о печальной участи Дмитрия Васильевича Медведева, воина, офицера, героя, заменившего мне отца, на собрании ветеранов. Но только я начала говорить, меня прервали в резкой форме. Один из ветеранов сказал мне, что если мы с мамой были в оккупации, и у меня нет никаких бумаг, никаких документов (а откуда им взяться?), то я считаю врагом народа. Во времена Сталина люди, оказавшиеся в оккупации, или солдаты, попавшие в плен, автоматически получали ярлык предателя, шпиона, врага народа. Их проверяли и перепроверяли, прежде чем отпустить на свободу. Именно поэтому мы с мамой получили разрешение покинуть Литву и вернуться к родным на Урал только в 1946 году. Я не смогла говорить на том собрании, я ушла оттуда. Бог – судья этому человеку, но мне до сих пор больно об этом вспоминать.

Легче всего судить других, если к тебе самому судьба была благосклонна. Но не мы выбрали эту судьбу, и война не спрашивала нас, где нам было бы удобнее провести эти страшные годы».

Чистяков Альберт Иванович, 1938 г.р.

«Меня вывезли из блокадного Ленинграда, с Карельского перешейка первого апреля 1942 года. Моя мать – финка, была репрессирована по национальному признаку (как финны, живущие в приграничных областях СССР). Нас отправили в Салехард (поселок Аксарка), в устье Оби за Полярным кругом. Отец воевал, а мать работала на рыбзаводе. Я хорошо запомнил, что хлеба совсем не было, а вот рыбы было очень много.

Там мы и встретили День Победы. Был солнечный, ясный день. Мать рано пришла с работы и сказала, что закончилась война. И все в бараке запели, а я стал ждать отца с войны.

Я почти совсем не запомнил тот день. Зато мне очень хорошо запомнилось, как мы возвращались домой в 1946 году. Месяц плыли на пароходе по Оби до Тюмени. Пароход шел на дровах. Когда дрова заканчивались, приставали к берегу и рубили деревья в тайге. Потом плыли дальше».

Живая книга. Главный день столетия

Сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне

Корректор: Т.С. Рудная
Компьютерная верстка: А.А. Зажигина
Дизайн: К.В. Дмитриев

Сбор материала:
Н.А. Лысцева
Л.Н. Гарганчук
Е.В. Мороз

**Издано в рамках муниципальной
программы «Молодежь Архангельска (2013-2015 годы)»**